

Р2
Г87

Е. ГРОПЯНОВ

ЗА ПЕРЕЛЖВЪ

К
Р2
Г 84
Е. ГРОПЯНОВ

ЗА ПЕРЕЛКВЫ

Повесть

Рассказы

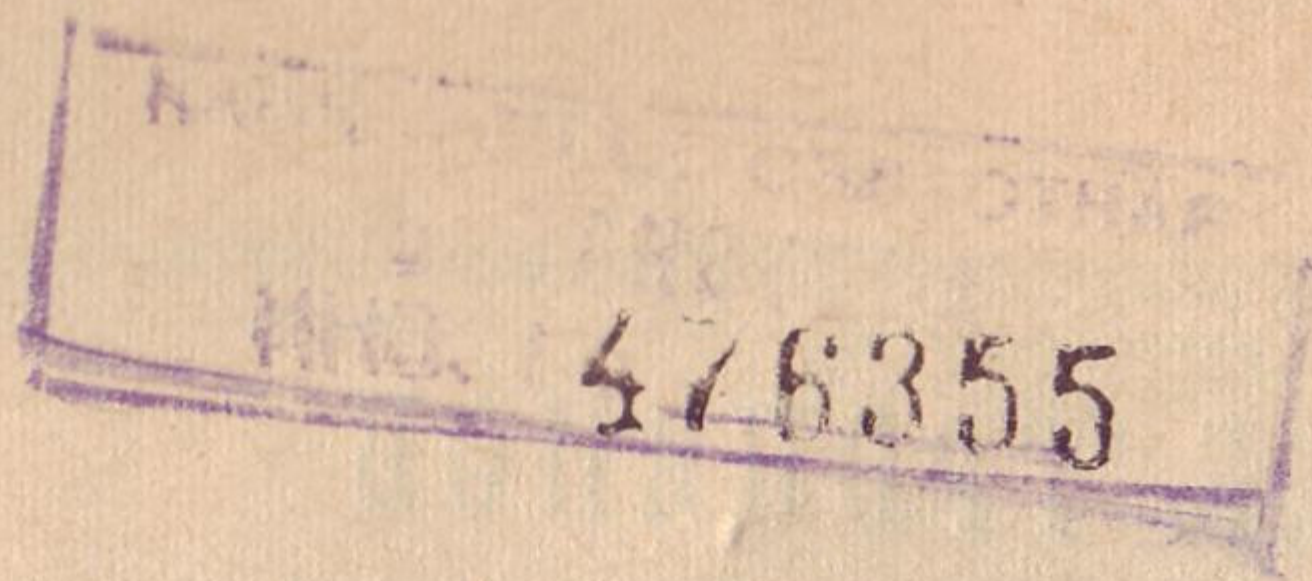

%00161038

Дальневосточное книжное издательство
Камчатское отделение
Петропавловск-Камчатский
1978

P2
Г86

Об исследовании земли Камчатки русскими землепроходцами во главе с Владимиром Атласовым в конце XVII в. историческая повесть «Атаман».

Рассказы знакомят читателя с отдельными страницами жизни русских людей XVII — XVIII вв.

Художник А. Гаристов

Дальневосточное
книжное
издательство
1978 г.

СЛУЧАЙ

начале августа в Москве пошли дожди. Они были уже не столь теплы, как в июле, и это было верным признаком, что осень начала свое продвижение. Однако струи осени были слабы, поэтому после дождей установились жаркие дни: московская земля парила.

Марфа Тимофеева, комнатная бабка царицы Натальи Кирилловны, проснулась от беспокойства. В оконце еще не глядели солнечные лучи — петух на подворье молчал.

Тихо.

Марфа вслушалась в тишину: ее нарушали мыши, шуршащие под полом. Она подумала, что кота пора прогнать — обленился. Она еще полежала немного, привыкая к беспокойству, однако это беспокойство было для нее определенно непривычным и даже пугающим. Уж очень сердце замирало и душа ныла — ну как-то все сегодня не так начинается, да и только.

Царица Наталья Кирилловна проснулась тоже до петухов. Ее разбудил сон, непонятный, тяжелый, прерывающий дыхание. Вся смятенная, она ощупала себя — жива! — и тогда уж, вздохнув облегченно, потянулась, и сжатое ночным страхом тело почувствовало боль — будто нещадно колотили Наталью Кирилловну всю ночь.

«Пригрезилось, — подумала она, — или наяву моя душа улетала странствовать?.. Что же за сон такой... Навяждение какое-то... Знамение?»

Наталья Кирилловна ощутила прилив страха. Она, охнув, бросилась в ночной рубашке к образам, упала перед ними на колени и с судорожной быстротой закрестилась... С тайным страхом она ждала, что кто-то подойдет к ней сзади, схватит за горло и станет душить... Боялась обернуться, однако заставила себя... сзади никого.

«Что ж это, господи, конец, что ли?» — шептала Наталья Кирилловна...

Кричать служанок... или погодить... страшно-то как... А сон не отступал, он только стал ярче.

...Идет Наталья Кирилловна по полю, бесконечному, жаркому. В небе жаворонки поют. Жгуче-колкий ветер играет ее волосами. Наталья Кирилловна уклониться хочет от ветра, а не может, однако из всех своих силушек терпит и дальше идет. А ноги тяжелые, будто в колодках, идти трудно, и ветер мешает.

Ночь опустилась разом. Неуютно, зябко в поле. Спряталась бы в стожок, да не видно ничего: словно палашом кусок бездны вырубили и перед Натальей Кирилловной кинули. Ветер жарче становится, руки белые, шею тонкую палит, лицо обжигает, в волосах больно путается, рвет их.

Внезапно небо впереди разверзлось — будто дверь кузни распахнулась. Огонь залил небо, глаза на миг ослепли. Притерпелась Наталья Кирилловна, видит: по краям огненного разлива кровь показалась.

Перекрестилась, и — пропала ночь.

День засверкал, да тремя солнцами: большим и двумя малыми. А вокруг большого солнца был круг черный, который, постояв недвижно, расползаться стал и объял малые солнца. И тут малые солнца учинились человеческим образом, страшно на кого-то похожим, а на кого, она вспомнить не могла. И молвил образ: тебе зло учинят. Хотела спросить, кто, да образ, усмехнувшись, распался на яркие звезды, и одна из них была с алембардой, как стрелец.

Тут ноги Натальи Кирилловны вовсе не выдержали, и она, заломив руки, крича, упала на землю, сухую, холодную.

...Петух на подворье заорал спросонья сначала хрипло, а потом, переждав немного, звонко и радостно.

Наталья Кирилловна вскочила с колен, проверила дверной засов — крепок, глянула в оконце — настоящее утро с белесым туманом (плечами передернула, замерзла в одной рубашке да босиком). В кровать бросилась, как девчонка, с головой укрылась пуховым одеялом, только нос высунула для дыха.

Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, вторая жена царя Алексея Михайловича, в последнее вре-

мя чувствовала себя неважно: то вдруг разболится и закружится голова, то ударит в поясницу, то бледность покроет милое свежее лицо. Алексей Михайлович спрашивал, не понесла ли молодая царица.

— Потерпи, государь,— отвечал ему немец-доктор,— бог милостив, все к тому идет.

— За царицей глядеть, аки за зеницей ока! — требовал Алексей Михайлович.

— Стараемся,— отвечали доктора,— ночей не спим. Не беспокойся, государь, к царице зла никто не метит.

— Если б оно так...

Доктор лечил его от цинги и водянки, эти болезни раздражали, вызывали боли в сердце. Тогда Алексей Михайлович несколько дней бывал в гневе, и придворные с неохотой шли в его покой. Он кричал, что его хотят отравить, сжить со свету его молодую жену, что за его спиной плетутся интриги... От оправданий он неистовствовал еще больше, поэтому его гнев воспринимали молча. Но болезнь отступала, и Алексей Михайлович становился весел, звал родню, шутил. И все же, несмотря на свои болезни, он с пристрастием следил за состоянием царицы, оберегал от дурного глаза и наговоров. Из Литвы через командующего русской армией он выписал верную литовку, знающую медицину. Доктору литовку командующий прислал. На словах с посланцем передал, что литовка спасла ему жизнь, ибо он, мучаясь животом, думал, что умре, она ж отпоила его отварами из трав, и командующий сейчас животом здоров. Командующему Алексей Михайлович верил.

Гибкая белокурая литовка была молчаливой, под ее пытливым взглядом все стряпухи тоже смолкали и вообще старались не попадаться ей на глаза. Приготовление еды для царицы — тайственная морока. Прежде чем в котел приправу какую положить, литовка проверит, понюхает, повариху осмолит, так, что та ни жива, ни мертва стоит, стоит и думает: «Чтоб ты сдохла, змея подколотная». И так изо дня в день.

Марфа Тимофеева помогала царице одеться. Наталья Кирилловна всегда любовалась своим крепким, здоровым телом, предназначенным родить полноправного наследника престола (а она была готова к этому), и разговаривала с Марфой. Сегодня же она напряженно

молчала, была бледнее обычного и задумчива. Марфа Тимофеева осторожно расчесала ей волосы, подала платье и мягкие сафьяновые туфли.

Царица так и не проронила ни слова. Она взмахом полной крепкой руки отправила Марфу.

«Уж не последний ли раз мы видимся? — недоуменно подумала Марфа, выходя из царицыных покоев.— Что ты, голубушка,— оборвала она сердито сама себя,— типун тебе на язык. Нехорошее на ум идет. Не забудь-ка лучше про кота, а то мыши скоро подстилку будут грызть».

Марфа спустилась во двор. Слуги вывели двор пораньше, побрызгали гибкими березовыми вениками водой из кадей, поэтому, несмотря на разжаривающее солнце, на дворе чувствовалась прохлада.

Суетно: в царской стряпне готовилась еда.

Марфа и не думала заглядывать в стряпню, но какой-то бес подтолкнул ее к порогу. В сенях на столе стояло большое серебряное блюдо, а на нем — промытые и вычищенные крепкие подберезовики. Рядом с серебряным блюдом — на сковороде соль. Марфа представила печеный подберезовик, и ей грибов печеных захотелось.

Она огляделась.

Никого.

Взяла соль в горсть, за грибом потянулась, а тут из стряпни литовка выскользнула угрем, глянула сердито на Марфу. Та напряглась, испугавшись, и сделала вид, что только зашла, поклонилась и хотела уходить, но литовка, глядя на зажатую вспотевшую руку, спросила, что это Марфа прячет в кулаке.

— Что ты, голубушка,— отвечала, жалко улыбаясь, Марфа,— это я так... руку свело... Пойду мыленку посмотрю... Царица Наталья Кирилловна мыться сегодня изволила... — И она, отступив, заспешила к мыленке.

Рывком отворив дверь мыленки, Марфа испуганно ойкнула: «Господи!»

В мыленке на лавке сидела баба Анна Леонтьевна, словно ее и поджидала.

— Ты что, Марфа? — спросила с любопытством. — Лица нет на тебе, милая... Приключилось, поди-ка, нехорошее.

— Да что вы, Анна Леонтьевна... Худо что-то мне стало. Водички хочу испить холодненькой.— Марфа взя-

ла деревянный ковш, набрала из ушата воды и незаметно ссыпала из горсти соль на землю.

— Пей, господь с тобой... Авось полегчает,— отвечала Анна Леонтьевна, внимательно посматривая на Марфу.

Марфа с видимым удовольствием выпила полный ковш воды, утерла губы ладонью. Вздохнула облегченно.

— Парить начинает... Не быть бы грозе... У вас кота не найдется? Мой-то ленью объелся.— Марфа улыбнулась — избавилась от соли.

Анна Леонтьевна не ответила. Марфа вторично не решилась тревожить ее вопросом и, постояв малое время, поклонилась степенно и покинула мыленку с молчаливой и хитрой, насколько было всем известно, бабой Анной Леонтьевной, встреча с которой почти никогда не приносила ни хорошего настроения, ни успокоенности; она всегда была началом многих мрачных дел. До сих пор судьба не сталкивала Марфу с Анной Леонтьевной. За порогом мыленки она перекрестилась: бог милостив и не направит худые чары Анны Леонтьевны против комнатной бабки самой царицы Натальи Кирилловны.

И все же весь день Марфа провела в непокойном состоянии, все валилось у нее из рук; хотела спросить снова про кота, но вместо этого ругнулась по-мужицки, и бабы, присутствовавшие при этом, недоуменно переглянулись между собой, но Марфу ни о чем не спросили. Она лишь через некоторое время поняла: оплошала и потому смешалась и поспешила уединиться в своей комнате на казенной половине, где проводила редкие свободные часы челядь. Она горестно задумалась над своей жизнью. И выходило, что жизнь у нее чернее черного, что, однако, не совсем было так: ведь комнатная бабка у царицы, почитай, все время под рукой, что захочет, то и шепнет ей. И Марфе угождали многие из челяди, и она пользовалась своим положением. Бывало, что после слов Марфы кто-нибудь из дворовых ссылался в деревню или был бит, но Марфу сие не беспокоило: она считала, что так и должно быть, потому что эти люди ей мешали. Или могли помешать.

«И откуда навязалась эта проклятая литовка?— горестно думала Марфа.— Добро бы баба как баба, а то ведь ни спереди, ни сзади, и чего государь держит

жердь такую... Чует сердце, дознается... Надо спешить к государыне».

Приняв неожиданно для себя такое решение, Марфа быстрехонько вскочила с лавки, оглядела платье, не помято ли (царица не терпела грязных рук и замусоленных платьев на своей прислуге). Однако на царскую половину Марфу не пустили: на крыльце изваянием сидела Анна Леонтьевна и каменно глядела на Марфу, будто и не видела ее. Она лишь разомкнула губы, чтобы выдать: «Царица занемогла, никого пускать не велит!»

— Голубушка Анна Леонтьевна,— чуть не плача, поклонилась Марфа,— дело срочнейшее... Касаемо царицы... Поди спроси, авось допустит пред свои очи.— И снизив голос, полупшепотом добавила:— Век буду благодарна.

Анна Леонтьевна покачала отрицательно головой, и Марфа поняла, что эту противную бабу ей не перешагнуть и, что хуже всего, наверно, сбудется утреннее предчувствие: Анна Леонтьевна навек станет ее врагом. Однако Марфа попыталась вновь ее разжалобить.

— Дело государево, — произнесла значительно Марфа. Припугнула: — Запоздает слово, беды не оберешься.

Анна Леонтьевна ухмыльнулась: напрасны старания Марфы. Ну что ж, чему быть, того не миновать.

На следующий день, в субботу, утром на казенную половину пожаловала Матрена Блохина, Марфина подруга. Она, оглядываясь, будто кто виделся поблизости, затеяла разговор о том, что над Марфой нависла страшная угроза: проклятая литовка дозналась, что Марфа покушалась на грибы. И Анна Леонтьевна, как на духу, подтвердила: Марфа соль высыпала за кадью в мыленку, а вот с каким злым умыслом, то ей неведомо. Дворянка зашушукалась: Марфа ворожбой занялась, царицу известь надумала.

— Я-то, милая моя, я в суды да пересуды только в девках верила... Но чем помочь тебе — и не придумаешь,— сказала Блохина.

Марфа как оскользнулась: на миг земля ходуном заходила.

— Что же делать? — спросила она, не слыша своего голоса, но понимая в то же время отчаянность вопроса, ибо что Матрена сможет посоветовать нужного. И ей показалось спасением, когда Матрена, дотронувшись до ее руки, сказала настойчиво:

— Лучше уходи в свою Хамовную слободу... Гляди, все и уладится...

— Спасибо, Матренушка... Сейчас и побегу... Только ни в чем я не виновата перед царицей... И в мыслях... Ах ты, господи... что это я стою... Кто спросит, скажи, в Хамовниках, у сына... Он торгует в серебряном ряду...

В Хамовниках в церкви Николая Чудотворца Марфа отстояла обедню. Она хотела успокоения. Его не было. Полумрак церкви, лампы перед образами, тихие, смиренные прихожане — будто все говорило: Марфа, осмотрись кругом, загляни в душу свою, может, ты, сама того не ведая, не заметила потаенного греховного умысла, и теперь, помимо воли твоей, он вредит тебе, и ты есть страдальца безвинная. Но как ни всматривалась Марфа в свою душу, не смогла увидеть и черного пятнышка.

Царица Наталья Кирилловна после тарелки щей с нетерпением ждала печеных грибов. Однако она не успела рассердиться: гибкая литовка внесла на серебряном подносе грибы, они дымились. Царица более всего любила грибы. Что ж, грибы и в самом деле хороши, особенно печеные.

После обеда Наталья Кирилловна пожелала отдохнуть. И вот тут-то дохтуриха-литовка и поведала о своих подозрениях: зачем это Марфе Тимофеевой понадобилось брать с царицыного блюда гриб да еще сыпать соль у кади в мыленке? Нет ли тут колдовства, силы которого литовка не знает.

Послеобеденную мягкую сонливость у Натальи Кирилловны как рукой сняло.

— Кто видел? — спросила Наталья Кирилловна растревоженно. И подумала: «Так сон-то вещий... Меня хотят отравить... Немедля к государю... Только он может защитить меня... Это козни проклятых Милославских. Простить не могут, что Нарышкины им дорогу перебежали».

— Так кто? — иступленно закричала она, тормоша за узкие плечи литовку.

— Анна Леонтьевна, государыня, — ответила литовка, глядя в испуганные глаза царицы. — А соль сыпала Марфа Тимофеева, да в ковш с водой что-то колдовское приговаривала.

По смутным догадкам царицы выходило, что сон был предупреждением; ее хотели отравить любимым ее блюдом — заговоренными грибами; и кровь прольется, но пусть это будет кровь пособников ненавидимых ею Милославских.

Наталья Кирилловна почувствовала безумный страх. Открылась рвота. Дохтуриха-литовка в замешательстве кликнула девок, те вмиг явились, заохали, захлопотали: платье чистое и рубаха принесены, постель разобрана, пол притерт, и вокруг все опрыскано пахучей розовой водой.

— Государя, — немощным жестом белой руки потребовала Наталья Кирилловна.

— Кто? — ворвавшись в покои, суетливо и зло спросил Алексей Михайлович, думая, что царица отходит сего света. — Кто? — повторил он в бешенстве, обводя всех набрякшими от бессонницы глазами.

— Наговорное слово бабки Марфы, — ответствовала, приседая, побелевшая дохтуриха.

— Разыскать! — рыкнул Алексей Михайлович. — Приволочь сюда сучье племя... Нет, в приказную избу на Житный двор!

Девки стояли ни живы, ни мертвы. Затопали по коридорам стрельцы с алебардами.

Дохтуриха, справившись с дрожью в руках, быстро приготовила теплое питье. Государь указал пальцем на первую попавшуюся на глаза девку. Та взяла дрожащими руками серебряный бокал. Ее зубы мелко ударили о край. Государь красными дикими глазами требовал: пей. Дохтуриха побледнела и прикусила нижнюю губу. Девка отпила. Некоторое время подождали. Девка, морщась, улыбнулась, но тут же спрятала улыбку: жива! Государь кивнул дохтурихе. Она приблизилась к царице, приподняла ее за холодную липкую спину и влила питье. Царица, давась, большими глотками выпила весь бокал и откинулась на подушки.

— Ей нужен покой, — сказала непререкаемо дохтуриха.

Выходя из церкви, бабка Марфа увидела свою соседку Марфу Кузьмину, постельницу великой княжны Софьи Алексеевны.

— Лица на тебе нет! — всплеснула полными руками

Кузьмина.— Уж не случилось ли чего? — Она бочком приблизилась к Марфе, посматривая на нее с нескрываемым любопытством. Бабка Марфа доверительно взяла Кузьмину под руку, и они медленно направились к дому.

— Что ж не случилось, соседushка,— жалобно всхлинула бабка Марфа.— Такое приключилось, что ума не приложу, как рассказать... И откуда напасть такая на меня... Хорошо, что тебя повстречала...

И бабка Марфа поведала свое горе.

Кузьмина второй десяток служила постельницей в государевых палатах, а сейчас состояла при царевне Софье, крутонравной дочери Алексея Михайловича от первого брака. Зная нелюбовь Софьи к молодой царице, бабка Марфа не зря пустила жалостливую слезу: она надеялась, что Кузьмина по старому соседскому знакомству все-таки обмолвится Софье о невинности Марфы, а та, злорадствуя, авось убедит отца, что Наталью Кирилловну никто и не пытался сжить со света, а боли в животе лишь от некрепкого здоровья (быть может, она лишь поэтому и не может понести?). Бабка Марфа настаивала, что всенепременнейше только Кузьмина может убедить царевну Софью заступиться перед царем. Кузьмина же с первых слов поняла, чем грозит ей самой вообще знакомство с бабушкой Марфой. Не желая обидеть бабушку Марфу отказом, она ответила уклончиво, что попытается закинуть словечко перед царевной Софьей, однако особо надеяться не следует, что прощение будет получено сразу же...

— Уповай на бога и на государеву милость... А если вина твоя бесхитростна, государь милостиво рассмотрит дело твое... — И Кузьмина, перекрестившись, поспешила отдалиться от бабушки Марфы.

Бабушку Марфу разбудили грюком в дверь около полуночи.

— Кто там прется,— проворчала сердито Марфа.— Сейчас, окайнные... Дверь высадите...

Двое стрельцов ворвались в дом.

— Ты будешь Марфа?

— А кто же?

— Живо!..

— Да за что?

— Слово и дело...

— Господи!

Марфа накинула на голову черный платок. Дюжие

молодцы, подталкивая крепкими кулаками, вывели бабушку на улицу и, подхватив, кинули в телегу на доски, сели по бокам, свесив ноги, и телега, поскрипывая, потащилась по улице мимо темных затаившихся домов.

Царица Наталья Кирилловна оправилась. Не то молитвы помогли, не то дохтурихино питье, но к вечеру она зарумянилась, молодое крепкое тело взяло свое. Известили царя. Он не поверил. Однако же на его глазах произошло чудо: Наталья Кирилловна, отбросив одеяло, встала и, голостопая, приблизившись к нему, остановилась и вдруг, засмутившись отчего-то, сильно покраснела и поклонилась.

— Я здорова, государь мой,— сказала она мягко.

Алексей Михайлович облегченно вздохнул, обвел всех присутствующих довольным взглядом. Родственники, извещенные о болезни Натальи Кирилловны, поначалу было растерянно присмирившие, теперь распрямились: не подвела Наталья Кирилловна, не бывать Мирославским во царствии, слава Нарышкиным... Теперь дело за малым: родить царю наследника.

В радости Алексей Михайлович повелел подать всем вина.

Хмурый невыспавшийся дьяк, да писец, молодой, серьезный, лицом худ, да равнодушный пыточных дел мастер у возвышающейся тенью дыбы, коптилка на столе — вот почти таким бабка Марфа увидела подвал (слышала о нем много ужасного, а вот подумать, что самой придется земельку кровавую топтать — боже упаси; и ее не миновала божья кара, да только вот за что?). Ее усадили на лавку перед дьяком (дьяк кивком головы отправил стрельцов), и тот, положив руки на стол, переплетя пальцы, уставился на Марфу.

— Сказывай,— лениво начал дьяк, но за безразличностью в его голосе Марфа уловила нарастающий гнев, и, чтобы упредить нарастающую лавину, она кинулась в обвинения дохтурихи, что-де коварная литовка не раз ей, Марфе, сама давала грибы и соль (быть возможно, дохтуриха задумала царицу извести с помощью Марфы), что хитрости за ней не держится, что государю она служит справно...

Дьяк молча выслушал Марфу и расцепил пальцы.

Пыточных дел мастер пружинно очутился позади бабки, не успела она ойкнуть, а руки заведены назад.

Молодой писарь принялся старательно чинить перо; пальцы его дрожали.

Холодные глаза дьяка не верили Марфе.

— Как на духу... нет за мной вины... — заплакав, взмолилась Марфа.

Пыточных дел мастер потянул за веревку.

— Изверги! — вскричала Марфа и потеряла сознание.

Алексей Михайлович вышел из покоев царицы под утро, обмякший и успокоенный. Он крепко заснул, и сны, которые он видел, были воздушны и призрачны, как у ребенка.

К обеду из пыточных подвалов ему доставили исписанные листы — дело Марфы Тимофеевой.

Он с жадностью прочитал его, а последний лист пробежал дважды.

«И для подлинного розыску допрашивана государыни царевны и великой княжны Софьи Алексеевны постельница Кузьмина, что ей нынешнего числа говорила бабка Марфа, и постельница сказала против расспросу комнатной бабки Марфы...

И бабка Марфа подымана на дыбу и висела, а сказала свои прежние речи.

Она ж к огню приношена и всячески стращена, а говорила то ж, что и в расспросе сказала.

И после расспросу Марфа Кузьмина освобождена.

А Марфа Тимофеева посажена на Житном дворе за караул».

Алексей Михайлович остался доволен розыском: небо отвело от царицы действие наговора, и она сейчас в добром здравии; Милославские и Нарышкины, вскинувшиеся было, как волны на реке во время бури, до поры до времени уgomонились... Алексей Михайлович, молодо ступая, приблизился к окну. Небо радостно и тепло синело, солнце купалось в этой нежной синеве, и белые барашковые облака в задумчивости застыли вдалеке. Парило, как и вчера.

Через девять месяцев, в мае 1672 года, Наталья Кирилловна, к радости Нарышкиных, родила сына, будущего царя Петра I.

О бабке Марфе при царице говорить запрещалось, и она вскоре забыла Марфино дело.

Исчезла Марфа.

СОДЕРЖАНИЕ

Атаман. Повесть	7
Земля Америка. Рассказ	106
Черный Ворон. Рассказ	142
Гости из туманной Британии. Рассказ	163
Случай. Рассказ	176
Бег. Рассказ	188